

В своей книге «Я одинокий клоун» Армен Джигарханян признался, что до сих пор плохо читает по-армянски, а когда работает над ролями в армянских фильмах, текст произносит на слух. Но хотя вот уже более 40 лет он живет в Москве – против 30, проведенных в Ереване, – именно столицу Армении он называет «своей кровью». Вот послушайте...

Ереван

Джигарханяна

Четырехлетний Армен с мамой Еленой Васильевной

Ереван – город с высоким человеческим достоинством

От зимы старею

Я очень долго не понимал... Глубинно не понимал, что такое родина. Говорю вам честно. Думал, что здесь, в Москве, мне хорошо, здесь близкие, любимые мною люди, здесь я занимаюсь своим делом... Но с годами вдруг появилось, я даже не знаю, как определить: тоска это или питания не хватает. Знаете, как кровяные сосуды, которые уменьшаются, увеличиваются. Вот я такое чувствую с недавних пор. Но не подумайте, что утром просыпаюсь и думаю: «Быстро в аэропорт!» Нет! А может, и не надо ехать? Как сказал наш с вами общий друг Гете, что человека обогащает желание, а не обладание...

Я скажу вам, не боясь, что в моей жизни есть какие-то отрывки, которые выпали. Иногда я сам себя спрашиваю: «А может, не было этого? Может, я все выдумал? Может, я так хотел?» Словно пронесся мимо какой-то запах, ветер. Я в том возрасте, когда самое главное в моих воспоминаниях – это прошлое, и все это вам говорю для того, чтобы вы были снисходительны – я, наверное, толково не смогу и не смогу объяснить, что такое в моей жизни Ереван. Вы должны учесть, что мне 70 с копейками. И я, конечно, понимаю, что Ереван трансформируется во мне. Но я там родился, вырос. Я уже 40 лет живу в Москве, так что по этой статистике я, конечно, москвич. Но я – оттуда. Ездил в Ереван, езжу и буду ездить. Ереван и Армения – это кровь моя.

Почему-то какие-то улицы вспоминаю. Причем не то что специально вспоминаю, они просто ко мне приходят. Я Моцарта очень люблю. Наверное, еще до конца не все у него понимаю, но очень люблю. И когда слушаю Моцарта, маму вспоминаю. Или Ереван такой жаркий. Хотя к Моцарту они отношения вроде не имеют... Ведь Моцарт – это Зальцбург, Австрия. Но, оказывается, имеют.

В актерской профессии есть такое понятие – вернуться к себе. Человек рождается, на него наваливается жизнь, короста на нем нарастает... Мы Шекспира сейчас репетируем, и я тоже со-

ветую актерам: «Вернитесь к себе. Расскажите о том, что вас тревожит». Наверное, это и происходит сейчас со мной.

Правда, мне солнца не хватает. Когда солнце, я другой абсолютно. Даже проблемы, которые есть, они воспринимаются иначе. Я очень солнцу люблю. Даже морозы выдержу, но лишь бы солнце было. Я от зимы старею.

У нас на весь район были одни коньки. Если кто-то выносил мяч или велосипед, это было событием.

С Ереванским русским драмтеатром Джигарханян объездил всю Армению

Сладкая жизнь вверх ногами

...Военные годы хорошо помню. Но в Ереване была другая война. Мы больше слышали, чем видели. То есть мы видели бедность, но не саму войну. И когда появились фильмы о войне, они нас потрясли. Мама рассказывала, что, когда я посмотрел «Радугу» с Ужвий, я плакал так, что заболел.

Помню, как первый раз в моей жизни увидел раненого. Моя мама работала в Совете министров республики, меня знали дежурные, легко пропустили. И на площадке лестницы я однажды увидел человека без руки. Другим потрясением стали пленные, которых (почему-то так было принято) по центральной улице везли.

1946 год... Ереван – почти деревня. Активные армянские города до войны были – Баку и Тбилиси. Уже после войны Ереван стал городом становиться. И это легко на мою жизнь...

У нас не всегда были деньги на билеты. Но был азарт. И еще – большое желание посмотреть кино. В центре стоял старый кинотеатр «Наири». Мы поднимались на крышу и по очереди свешивались вниз головой – при этом кто-то один должен был держать за спину. И так смотрели. Знаете, кто со мной там бывал часто? Эдик Кеосаян. Мы были друзьями. И мы ходили туда, видели эту сладкую жизнь вверх ногами. Посмотрели лучшие американские фильмы, а не ту муть, которую вы смотрите с этими «сталлонами». Мы видели все работы Рубена Мамуляна – нашего соотечественника, который снимал великие фильмы. Видели Грету Гарбо...

И знаете, я до сих пор не могу себе ответить... Вроде на улице выросли. У нас на весь район были одни коньки – ботинок, на который навязывался один конек. Мы надевали его на ногу и по очереди катались. Если кто-то выносил мяч или велосипед, это было событием. А в 1946 году приехали репатрианты. Большинство с Востока: Ирана, Турции, Египта. Были и из Америки. И они очень много привезли необычных вещей – жвачку, шорты. Мы думали, люди в трусах ходят на улице, а это были шорты. Но при этом мы много тогда узнали. Все, что во мне потом отразилось, я получил именно в детстве. Я так думаю. Наставляют же психологи, что в раннем возрасте главное ядро зарождается. А дальше или портится, или набирает что-то.

Думаю, я счастливую жизнь прожил. Я сейчас говорю без пафоса. При всем том, что китайцы не советуют жить при переменных. Но мое поколение пережило несколько серьезных катарсисов. И может, благодаря этому в нашем поколении есть высокий КПД. Так мне кажется.

Гостем не почувствуешь этот город

Ереван – красивый. Про него часто говорят – розовый город, радостный, солнца много... Но для меня там есть такое очень высокое человеческое достоинство. Лучшего слова не найду, пожалуй. Женщина – это женщина. Мужчина – это мужчина. Там есть несуетливость. Когда в Ереван приезжаешь и тебя куда-то приглашают, говорят не «Пойдем пообедаем», а «Пойдем отдохнем». То есть вот этого – быстро съездить и уйти – там нет.

Чтобы Ереван почувствовать, надо пожить в нем. Гостем не почувствуешь этот город. Сколько времени надо прожить? Не знаю. Зависит от того, насколько твой интерес там задевает. Насколько ты там сможешь потратить самого себя. Потому что народ там очень яркий, многокрасочный. Там есть какая-то индивидуализированность людей. Они уважают футбол, гордятся достойными людьми. Но они и себя не забывают. Знаете, я пожил очень активно в Армении. Много снимался, гастролировал, играл в театре. И объездил всю Армению. Армению, которую мало кто знает. Вот есть район Зангезур, я его очень люблю. Это как страна в стране. Горы. Как у поэта – стоишь на вершине, а внизу летают орлы. Я это все видел. Те армяне, которые вокруг озера Севан живут – совсем другие. Хотя это всего 60 километров от Еревана. Ленинкан – это просто отдельное государство с другим языком, другим юмором, другими взаимоотношениями. Если разобраться, в чем секрет, то, думаю, в том, что они не боятся этой самой индивидуализированности – так разговаривать, так себя чувствовать... Такой индивидуальный народ. Это очень сильная вещь.

■ Записал Сергей Пустовитов.